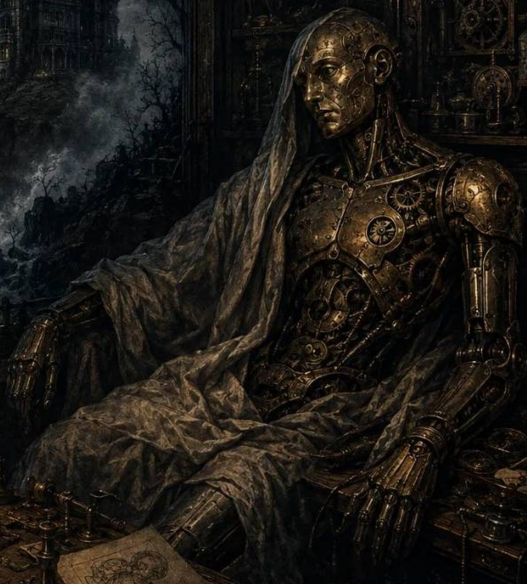

ТАЙНА УИНДЕРМУРА

Д. ЧИЖ

Д. Чиж

Тайна Уиндермура

<https://litres.ru/74365888>

SelfPub; 2026

Аннотация

Осенняя ночь, дом на краю утёса — и запертая изнутри дверь, за которой находят мёртвого хозяина. Элиас Торн, гениальный затворник-изобретатель, обожавший свои механизмы больше живых людей, погиб в собственной мастерской, у ног творения, которое сам построил себе на страх и на беду.

Расследовать это дело берётся Гидеон Аштон — сыщик, для которого не существует совпадений, есть лишь связи, которые ещё не найдены. Вместе с доктором Хейлом он шаг за шагом восстанавливает картину случившегося...

Автор не прячет ни одной улики: читатель узнаёт всё то же, что и сыщик, в тот же миг, — и получает честный шанс разгадать тайну первым. Но окончательная истина, которая всплывёт в последней главе, окажется не там, где её искали, и окажется куда тяжелее самого убийства: порой самое опасное чувство в человеческом сердце — не ненависть, а любовь, доведённая до отчаяния.

Содержание

Глава I. Дом над обрывом	4
Глава II. Часовой	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Д. Чиж

Тайна Уиндермура

Глава I. Дом над обрывом

Есть дома, в которыеходишь, ещё не переступив порога, — так властно обступает их атмосфера, что душа сжимается прежде, чем глаз успевает различить хоть одну деталь фасада. Таков был Уиндермур в тот вечер конца октября, когда карета, скрипя рессорами, вынесла нас с Гидеоном Аштоном на прибрежную дорогу, выющую над чёрной пропастью моря.

Дом стоял на самом краю утёса, точно колеблясь — прыгнуть ли ему вниз, в кипящую пену, или ещё постоять веки другой в укор времени. Окна его, узкие и частые, как бойницы, были темны, кроме одного — того, что на третьем этаже, в угловой башне, где, как я узнал позже, помещался кабинет и мастерская хозяина дома, мистера Элиаса Торна.

Мы приехали по срочному вызову. Записка, доставленная посыльным в час, когда весь Лондон уже спал, содержала одну лишь строку, выведенную дрожащей рукой дворецкого:

«Мистер Тортон найден мёртвым в своём кабинете. Дверь была заперта изнутри. Умоляю вас приехать — иначе я сойду с ума».

Аштон, друг мой, чьи способности к анализу я имел случай наблюдать не раз и о которых, быть может, расскажу читателю подробнее в свой черёд, всю дорогу молчал, лишь однажды заметив, разглядывая записку при неверном свете каретного фонаря:

— Заметьте, Хейл: он не пишет «убит». Он пишет «найден мёртвым». Человек либо страшится произнести слово, либо — что вероятнее — ещё не знает, годится ли оно здесь.

Нас встретил сам дворецкий, некто Симмонс, человек лет пятидесяти, чьё лицо, обыкновенно, надо думать, невозмутимое, теперь было бледно, как у покойника, которого нам предстояло увидеть. Руки его тряслись так, что свеча в его руке роняла воск на манжету, и он, кажется, вовсе того не замечал.

— Слава богу, вы здесь, — проговорил он. — Я не приоткрылся ни к чему, сэр. Всё осталось, как было, когда мы взломали дверь.

— Взломали? — переспросил Аштон резко. — Значит, дверь была заперта на ключ, а не просто затворена?

— На ключ, сэр, и на засов изнутри. Мы стучали час — хозяин не откликался. Пришлось выбить дверь топором.

Поднимаясь по узкой винтовой лестнице башни, я успел заметить и другие детали дома: холод, царивший в нём, точно очаг не топили неделями; странный, едва уловимый механический звук — не то тиканье, не то поскрипывание, — доносившийся будто из самих стен; и полное безмолвие слуг,

которые не показывались нам на глаза, хотя я чувствовал на себе взгляды из-за приоткрытых дверей.

— Давно ли в доме слышен этот звук? — спросил Аштон, останавливаясь на площадке.

Симмонс вздрогнул.

— Вы тоже его слышите, сэр? Мы все его слышим, вот уже третью неделю. Мистер Торн говорил, что это ничего, что это его работа. Но с тех пор, как он начал запираяться в мастерской на всю ночь, никто из нас не может спать спокойно.

Дверь кабинета — вернее, то, что от неё осталось после топора Симмонса, — распахнулась перед нами, и я увидел комнату, которую не забуду до конца дней.

Это была большая круглая зала, повторяющая форму башни, увешанная чертежами и заставленная механизмами самого причудливого вида: медными шестернями, часовыми пружинами в человеческий рост, металлическими птицами с недвижными крыльями. У дальней стены, там, где высокое окно смотрело на бушующее море, стоял письменный стол, а за ним, откинувшись в кресле, — Элиас Торн.

Он был мёртв уже несколько часов. Лицо его хранило выражение не столько ужаса, сколько крайнего, почти детского изумления — как у человека, увидевшего нечто, чему разум его отказывался верить до последней секунды. Правая рука была откинута в сторону и всё ещё сжимала оборванный шнур — тот самый, что, как я узнал, вёл от стола к колокольчику, вызывающему слуг. Шнур был не развязан, а именно

оборван, будто резким рывком.

На столе перед покойным лежали раскрытые карманные часы. Стрелки застыли на без четверти два.

Аштон не произнёс ни слова. Он опустился на одно колено подле тела и долгое время смотрел — не столько на лицо мертвеца, сколько куда-то за него, в пустой угол комнаты, где стояла, накрытая холстиной, какая-то высокая конструкция, формы которой я не мог разобрать.

— Симмонс, — сказал он наконец, не оборачиваясь, — окно было заперто, когда вы вошли?

— Заперто изнутри, сэр. На все три шпингалета.

— А ключ от двери?

— Мы нашли его здесь, сэр. В замочной скважине, с внутренней стороны, повёрнутый до отказа.

— Значит, — проговорил Аштон медленно, поднимаясь на ноги и отряхивая колено, — мы имеем дело с человеком, который умер в комнате, запертой на ключ и засов изнутри, с окном, забранным на три шпингалета, и притом умер от испуга столь сильного, что оборвал шнур звонка голой рукой — не позвав при этом на помощь ни единым криком, слышимым этажом ниже. — Он помолчал. — Хейл, друг мой, это один из интереснейших случаев, какие мне доводилось видеть. И боюсь, разгадка его не понравится никому в этом доме.

Он повернулся к застывшему в дверях дворецкому.

— Скажите, Симмонс: что находится под этой холстиной

в углу?

Дворецкий побледнел ещё сильнее, если только это было возможно.

— Это... это работа хозяина, сэр. Он называл её Часовым. Он строил её три месяца и никого — даже меня — не подпускал взглянуть.

Аштон долго смотрел на укрытую фигуру, и на губах его застыла та едва заметная улыбка, которая, как я успел изучить, означала, что мысль его уже унеслась на добрых десять шагов вперёд разговора.

— Тогда, я полагаю, — сказал он тихо, — нам следует познакомиться с Часовым поближе. Но не сегодня. Сегодня ночью, Симмонс, я прошу вас запереть эту комнату — на этот раз снаружи — и никого, слышите, никого в неё не впускать до утра.

Глава II. Часовой

Ночь я провёл в отведённой мне комнате скверно, то и дело просыпаясь от того же неясного тиканья за стеной — звука, который теперь, зная, что источник его находится в запертом кабинете, где не оставалось ни одной живой души, казался мне вдвое зловещнее. К утру, впрочем, он прекратился, точно исчерпав завод, и в доме воцарилась тишина столь полная, что я, спустившись к завтраку, невольно вслушивался в неё, как в нечто подозрительное само по себе.

За столом собралось всё семейство и домочадцы Уиндермура, и Аштон, не притронувшись к еде, разглядывал каждого с тем спокойным, безжалостным вниманием естествоиспытателя, что рассматривает новый вид насекомого.

Здесь был Джулиан Торн, племянник и единственный наследник покойного, — молодой человек лет двадцати восьми, красивый нервической, порывистой красотой, с тёмными кругами под глазами, выдававшими не то бессонницу, не то более постыдные ночные занятия. Как я узнал впоследствии от разговорчивой горничной, за ним числились карточные долги, размер которых он сам, вероятно, боялся произнести вслух.

Здесь была миссис Грей, домоправительница, — женщина неопределённых лет, с лицом, будто вытесанным из того же серого камня, что и утёс под домом, и с глазами, в которых

читалось нечто среднее между скорбью и облегчением, — сочетание, признаюсь, меня насторожившее.

И здесь, наконец, был Эдвин Марч, помощник покойного изобретателя, молодой человек тихий и косноязычный, чьи пальцы, я заметил, были покрыты старыми ожогами и порезами — следами работы с металлом и огнём, — и который за всё время завтрака не поднял глаз от тарелки.

— Мистер Марч, — обратился к нему Аштон без всякого предисловия, — вы помогали мистеру Торну строить механизм, что стоит в его кабинете под холстиной?

Юноша вздрогнул так, точно его ужалили.

— Я... да, сэр. Отчасти. Хозяин никому не доверял целиком свой замысел, даже мне. Я ковал детали, но собирал он сам, ночами, один.

— Для чего предназначался этот механизм?

— Он называл его Часовым, сэр. Это... это сторож. Он опасался грабителей — в мастерской хранились чертежи, которые, по его словам, стоили целое состояние, — и построил механическую фигуру, что должна была стоять на страже его сейфа по ночам.

— Каким образом сторожить, если он неподвижен?

Марч замялся.

— Он не вовсе неподвижен, сэр. В нём есть завод, часовой механизм, который в урочный час приводит в движение руку... Хозяин говорил, что это будет разить всякого, кто подойдёт к сейфу после полуночи. Но я не видел его в дей-

ствии. Клянусь, не видел.

За столом наступило молчание, которое Джулиан Торн нарушил нервным смехом.

— Дядюшка вечно был помешан на своих игрушках. Я говорил ему, что рано или поздно эта механика прикончит его самого, а не воров. Кажется, я оказался пророком.

Аштон посмотрел на него долгим взглядом, но ничего не ответил. Вместо того он поднялся и предложил мне немедленно отправиться в кабинет.

Комната утром выглядела не менее жутко, чем ночью, — быть может, даже более, ибо дневной свет из высокого окна безжалостно освещал каждую деталь: и застывшее на лице покойного изумление, и оборванный шнур в его руке, и медные шестерни на стенах, отбрасывающие длинные, дробящиеся тени. Тело за ночь убрали — прибыл, как оказалось, местный коронер, — но всё прочее осталось нетронутым по распоряжению Аштона.

Друг мой первым делом направился к фигуре в углу и стянул с неё холстину.

Я не берусь описать словами то, что предстало моим глазам, — довольно будет сказать, что Часовой являл собою человекоподобную конструкцию в полный рост, отлитую из тёмной бронзы, с лицом столь же гладким и безучастным, как маска, и с одной-единственной рукой, вытянутой вперёд и сжатой в подобие кулака, — тогда как другая, отведённая назад, казалось, ожидала команды к удару. У основания фи-

гуры виднелся сложный механизм из шестерней и пружин, соединённый цепью с массивным ключом, торчащим меж лопаток, точно рукоять кинжала, воткнутого в спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.